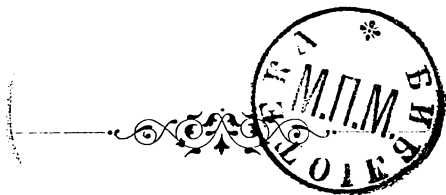

Д. Маминъ-Сибирякъ.

СЫБІРСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Сибирскіе орлы. — 2. Главный баринъ. — 3. Звѣрство. — 4. На переваль. — 5. Не у дѣль. — 6. Подсѣжчикъ. — 7. Кладъ. — 8. Морокъ. — 9. Присковый мальчикъ. — 10. Крестникъ. — 11. Удивленный человекъ. — 12. Мизгирь.

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной сл., за Камеръ-Коллеж. вал., соб. д., 2 ст. Моск. уѣзда.

1895.

К Л А Д Ъ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ уѣздномъ городѣ Кочетовѣ «Сибирская гостиница» пользовалась плохой репутаціей, какъ притонъ игроковъ и сомнительныхъ сибирскихъ «человѣковъ», какихъ можно встрѣтить только въ сибирскихъ трактовыхъ городахъ, особенно съ золотыхъ промысловъ. Чистая публика избѣгала останавливаться въ номерахъ «Сибирской гостиницы», но на-вертывались иногда проѣзжающіе попадавшіе въ эту труппу по невѣдѣнію. Днемъ въ гостиницѣ всегда было тихо, но жизнь закипала по вечерамъ и далеко за полночь окна гостиницы свѣтились огнями: темные сибирскіе человѣки играли въ карты, кутили на чужія деньги и весело хороводились съ подозрительными женщинами. Общая зала всегда оставалась пустой—сибирская публика еще не привыкла къ трактиру, и только въ бильярдной громко щелкали шары, точно открывалась и закрывалась какая-

то громадная пасть, лязгавшая вершковыми зубами. Старикъ маркеръ въ войлочныхъ туфляхъ и длинномъ дипломатѣ неопредѣленного цвѣта разбитой старческой походкой шмыгалъ около бильярда и, считая сдѣланные очки, монотонно повторялъ недовольнымъ тономъ:

— Сорокъ семь и двадцать четыре... двадцать четыре и сорокъ семь!

Это былъ мрачный субъектъ съ испитымъ, желтымъ лицомъ и моргавшими сѣрыми глазами. Онъ часто морщился, потому что простуженныя ноги давали себѣ чувствовать при каждомъ неловкомъ шагѣ. Да и руки тоже болѣли у старика—сказывался старческой ревматизмъ. Коротко остриженные сѣдые волосы покрывали угловатую голову точно серебряной щетиной, а когда старикъ упорно глядѣлъ на кого-нибудь своими маленькими глазками—рѣдкій выносилъ этотъ волчій взглядъ.

— Чего уперся глазами-то, старый чортъ!.. ругались самые отпѣтые бильярдные завсегдатаи.

Старикъ презрительно улыбался и машинально выкрикивалъ свои маркерскія цифры. Не одну тысячу верстъ сдѣлалъ онъ, ходя около бильярда, а еще въ силахъ и можетъ отвѣтить за любого молодого. Широкая сутулая спина и длинныя руки говорили о недюжинной силѣ, когда-то сидѣвшей въ этомъ износившемся старомъ тѣлѣ; но что было, то прошло, а теперь старый маркеръ все ходилъ около своего бильярда, какъ манекень. Прислуга въ гостиницѣ не любила его за неуживчивый нравъ, но хозяинъ его держалъ, какъ ловкаго человѣка на всякій случай—онъ и изъ бѣды выручить, и другихъ

не выдасть. Вообще, серьезный былъ старикъ, выдавшій виды, не то что остальная трактирная прислуга, набранная съ бору да съ сосенки. Звали старика Галанцомъ—эту кличку онъ принесъ съ собой въ Сибирь изъ Расаи. Кто онъ такой и откуда—никто не зналъ да и никто не интересовался: просто маркеръ Галанецъ—и все тутъ. Только когда старика сердили, онъ говорилъ:

— Эхъ, вы, варнаки сибирскіе...

— А ты какъ въ Сибирь попалъ, дѣдко?

— Я? Я—другое... Я по своему дѣлу попалъ, а не по кнуту. Помирать въ Расаю пойду... Надоѣло мнѣ и глядѣть-то на васъ, варнаковъ.

Послѣ каждаго такого объясненія Галанецъ дѣлался особенно мраченъ и ходилъ около своего бильярда темнѣе ночи. Развѣ они, халуи, могутъ что пониматъ? Онъ, Галанецъ, съ полковниками въ аглецкомъ клубѣ игралъ... да. Меньше полковника туда и ходу не было, а это что за публика: и публика халуйская и прислуга тоже. Никакого обращенія не понимаютъ, потому что настоящаго никто и не видалъ. Эхъ, кабы ноги Галанцу, да прежній вострый глазъ, бросилъ-бы онъ давно эту немшоную Сибирь!.. Такъ, видно, на роду было написано, чтобы съ халуями валандаться... Отъ судьбы не уйдешь. Своихъ гостей старикъ презиралъ отъ всего сердца: развѣ это настоящіе господа—такъ, шантрапа разная набралась. Каждый наровитъ на грошъ да пошире—однимъ словомъ, варнацкая публика.

Тускло горятъ лампы въ бильярдной. Въ буфетѣ стѣнные часы пробили одиннадцать. Галанецъ ходитъ съ машинкой въ рукахъ чуть не съ обѣда.

Ноги у него сегодня особенно ноютъ—чуютъ, видно, ненастье старыя кости. На бѣду игроки навязались неугомонные: Вася и проѣзжій адвокатъ. Оба играютъ хорошо, но Галанецъ слѣдитъ за игрой съ презрительной улыбкой: развѣ такъ играютъ?

— Смотри, распухнетъ шаръ-то,—дразнить адвокатъ Васю.

Вася надувается, краснѣетъ и, выцѣливъ шаръ кѣмъ, дѣлаетъ промахъ. Каждая неудача заставляетъ его отплевываться. Онъ въ смятой крахмальной рубашкѣ и потертомъ пиджакѣ, на ногахъ туфли, какъ и у маркера—барыня значитъ осердилась и арестовала сапоги. Молодое, румяное лицо Васи хмурится, и онъ сердито взмахиваетъ своей шапкой бѣлокурыхъ кудрей. Этотъ Вася настоящій мучитель для Галанца: какъ свяжется съ кѣмъ играть, такъ и не уйдетъ, пока огней не погасятъ. И зачѣмъ только живетъ человѣкъ въ «Сибирской гостиницѣ?» Приѣхалъ съ какой-то барыней да и околачивается третью недѣлю, а прислуга шу-шу, шу-шу... Оказалось, что Вася состоитъ при барынѣ аманомъ и чуть что напроказить, она сапоги съ него сниметъ, а потомъ не велитъ обѣда подавать. Сама запретъ въ своемъ номерѣ и на глаза его не пускаетъ. Цѣлый день такъ то Вася и перебивается въ бильярдной, а прислуга смѣется надъ нимъ-же.

— Что, Вася, ножки видно заболѣли?..

— А ну васъ къ чорту!—огрызается онъ.—Я вотъ ее задушу, тогда узнаетъ, какой я человѣкъ... А сапоги—плевать. Въ туфляхъ еще свободнѣе..

Прислуга смѣется, а Вася какъ ни въ чемъ не бывало, только башкой трясетъ, какъ хорошій ко-

ренникъ. Барыня держала его въ ежевыхъ рукавицахъ. Да и было кому держать: высокая, здоровая, какъ есть въ настоящемъ соку. Изъ номера она рѣдко показывалась и то больше по вечерамъ. Наверно, убѣжала отъ мужа съ молодцомъ да и гарцуетъ въ свою бабью волю,—такъ рѣшила номерная прислуга. Мало-ли народу околачивается въ номерахъ—всякія и барыни бываютъ. Вася унижался до того, что выпрашивалъ у швейцара сапоги, а у оффиціантовъ занималъ по двугривенному.

И такъ, Вася играетъ съ адвокатомъ. Сначала онъ проигрывалъ, но затянувъ партнера, кончилъ партію нѣсколькими ударами, какъ дѣлаютъ ярмарочные жулики.

— Не вредно,—похвалилъ Галанецъ, прищуривая отъ удовольствія глаза:—ловко сыграно.

— А ты какъ меня понимаешь, Галанецъ? хвастался счастливый успѣхомъ Вася.—Не смѣтри, что я въ туфляхъ сегодня... Тебѣ дамъ десять очковъ впередъ.

— Подавишься...

— Я? Давай, сейчасъ намочу тебѣ хвостъ, старому чорту...

Проигравшійся адвокатъ былъ радъ отвязаться отъ партнера и тоже принялся поджигать стараго маркера. Положимъ, этотъ адвокатъ былъ прохвостъ и, проживая въ гостиницѣ, занимался больше всего обыгрываніемъ захмѣлѣвшихъ купеческихъ сынковъ, но старому Галанцу показалось обидно, что надъ нимъ смѣются такіе прохвосты,—они задѣли его за живое мѣсто. «Ахъ, вы... шиль-

ники!» — ругался старикъ, молча выбирая кій. Онъ рѣдко игралъ, но теперь нельзя было отказаться.

— Если обыграешь Ваську, — закладываю рубль, поощрялъ адвокатъ, усаживаясь на диванъ. — Да нѣтъ, гдѣ тебѣ, Галанецъ...

— Я могу даже закрыть лѣвый глазъ, — хвастался Вася, выпячивая грудь колесомъ. — Съ однимъ правымъ глазомъ буду играть.

— Ахъ, вы шильники!.. — ругался Галанецъ, размахивая киемъ. — Да я въ аглецкомъ клубѣ игралъ въ Петербургѣ... съ полковниками... Тамъ меньше полковника не полагается, а не то чтобы какая-нибудь шантрапа. Чему смѣетесь, желторотые?

Разсерженный Галанецъ сначала сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, но потомъ успокоился и кончилъ партію съ трескомъ, какъ играютъ только старые маркеры. Вторую партію онъ кончилъ почти «съ кия», не давая партнерудохнуть.

— Ахъ, ты... сахаръ!.. — ругался Вася, разбитый въ пухъ и прахъ.

Въ это время Галанецъ только хотѣлъ сдѣлать шара, но остановился, посмотрѣлъ на Васю сбоку и спросилъ:

— Какъ вы сказали, сударь?

— Я говорю: сахаръ...

У Галанца задрожалъ въ рукѣ кій. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на Васю и уже въ полголоса прибавилъ:

— Карпу-то Лукичу сыномъ приходиться?..

— А ты почему знаешь?

— Да поговорка-то ихняя... Помилуйте, какъ мнѣ то этакого слова не знать. То-то я все присматри-

ваюсь къ вамъ: лицо знакомое, а узнать не могу. А вотъ поговорку-то узналъ...

Вася былъ сконфуженъ этимъ открытiемъ и только таращилъ глаза на маркера.

— Ну, что-же вы остановились? — спрашивалъ адвокатъ.

— Не могу... усталъ...—бормоталъ Галанецъ, бросая кii.

II.

Ночью въ каморкѣ Галанца долго свѣтился огонь. Каморка была крошечная, какъ нора, гдѣ-то подъ лѣстницей въ номера, но, все-таки, свой уголь, гдѣ самъ большой-самъ маленькiй. Въ углу на столѣ горѣла дешевая жестяная лампочка и тутъ-же стояла бутылка съ водкой. Вася сидѣлъ на стулѣ, облокотившись руками на столъ, а Галанецъ кружился по комнатѣ.

— А про Поцѣлуиху слышали?—спрашивалъ старикъ.

— Это гдѣ кладъ-той..

— Шы!..—зашипѣлъ старикъ, поднимая руку.— Что вы, Василий Карпычъ, еще, пожалуй, услышать... Не таковское это дѣло, сударь.

Вася засмѣялся и махнулъ рукой. Это движенiе обидѣло старика, но это было минутное чувство, которое сейчасъ-же смѣнилось чѣмъ-то такимъ любовнымъ и ласковымъ... Галанецъ все смотрѣлъ на него, вздыхалъ и время отъ времени повторялъ:

— Эхъ, Василий Карпычъ... а?.. Вася... Вѣдь, еще малюточкой, можно сказать, на рукахъ тебя наши-

валь и вдругъ... Эхъ, Вася, Вася, не хорошо! Такъ не хорошо, что и не выговорншь... Какое ужъ это занятіе, въ аманахъ при барынѣ состоять. Наши-то халуи зубы можтъ-моютъ, даже со стороны тошно слушать...

— Замотался я... ослабѣлъ... — шепталъ Вася со слезами на глазахъ.—Самъ себя презираю... Хошь-бы въ маркеры куда поступить. Уѣду куда-нибудь подальше и поступлю... А то что-же это за мода: чуть прогулялъ лишній часъ, она и сапоги долой.

— Да кто она-то, дама-то твоя?

— А исправничья дочь, исправника Чистаго...

— Это Галактіона Павлыча?.. Ахъ Боже мой, Боже мой... Какъ сейчасъ его вижу, голубчика... Значитъ дочка она ему-то?

— Родная дочь... Она замужемъ, только ужъ очень избалована: если у мужа денегъ нѣтъ, Анна Галактіоновна и уѣдетъ.

— А онъ то какъ-же, мужъ-то?

— Ну, онъ деньги и добываетъ, а какъ добудетъ— она и воротится. У ней своихъ много, ну и дурить... Мужа въ черномъ тѣлѣ держить. Я выпью дѣдко.

— Пей, голубчикъ... Ахъ, какое дѣло, какое дѣло!.. И даже въ умѣ-то не представишь себѣ... Ежели-бы такая дама подвернулась покойничку Карпу Лукичу, да онъ-бы ее узломъ завязалъ. Вотъ какой былъ чловѣкъ необыкновенный... А вы, Василій Карпычъ, на счетъ сапогъ не сумлевайтесь: мы это въ лучшемъ видѣ оборудуемъ. Ахъ, какое дѣло, какое дѣло...

— Мнѣ вотъ телько выпить: я ее убью, змѣю...

— Зачѣмъ убивать, Васенька... Пусть ее поживеть: не ты, такъ другой найдется. Наскочить на такого хахала, что овечкой сдѣлаешь... Ну, да это все пустое. Погоди, оборудуемъ... Вотъ что, Вася, ты не ходи туда, въ номеръ, а ночуй здѣсь у меня. Я на полу прилягу, а ты на кровать...

— А она искать меня будетъ.

— Пусть поищетъ... А то я и самъ схожу къ ней. Съ полковниками разговариваль, не бойсь, тоже въ зубахъ и у насъ не завязнетъ. Такъ прямо и скажу: я и папеньку вашего Галактіона Павлыча даже весьма зналъ, ужъ вы извините, а это не порядокъ...

— Ну?

— А то какъ-же, Вася? Въ женскую, молъ, вашу часть я не вхожу, а свою мужскую могу понимать и даже превосходнѣе другихъ прочихъ.

— Нѣтъ, ты не ходи: плевать... Пусть ее разорветъ со злости.

Вася обрадовался предложенію Галанца и сейчасъ-же улегся на его кровать. Онъ даже улыбался при мысли, какъ будетъ рвать и метать Анна Галактіоновна—э, плевать, пусть лопнетъ. Правда, кровать у Галанца, вымощенная изъ старыхъ досокъ, гнулась и трещала подъ нимъ, да и ноги пришлось согнуть, но все-таки лучше, чѣмъ слушать тамъ въ номерѣ попреки да ругань. Старикъ въ это время успѣлъ устроиться на полу, охая и побряхтывая. Онъ потушилъ свою лампочку и долго ворочался на своемъ жесткомъ ложѣ.

— Василий Карпычъ, вы спите?

— А... нѣтъ, не сплю...—бормоталь въ просонкахъ Вася.—А что?

— Да такъ... Вотъ лежу и про кладъ все думаю.

— Про какой кладъ?

— А на Поцѣлуихѣ.

— И не думай лучше: ничего не придумаешь.

Отецъ въ землю отъ этого клада ушелъ...

— Ахъ, Боже мой, кому ты сказываешь-то, Вася?

Ты меня бы спросилъ лучше, какъ это самое дѣло было... Да. Тебя еще тогда и на свѣтѣ не было...

— Разсказывай...

Пауза. Старикъ пошарилъ рукой по полу, угнетенно вздохнулъ и сѣлъ. Его старые глаза черезъ окружавшую ночную темноту глядѣли вдаль, далеко, на то, что случилось тридцать лѣтъ назадъ. Ахъ, какъ все это было давно и, вмѣстѣ, точно все случилось вчера!

— Я тогда въ аглицкомъ клубѣ маркеромъ служилъ,—началъ старикъ, разводя руками.—Ну, а «Дрезденъ» въ Коношенной—модные номера такъ назывались. Въ «Дрезденѣ» у меня швейцаръ былъ знакомый. Такъ вотъ этотъ швейцаръ—Никитой его звали—и приходитъ ко мнѣ этакъ съ утра, когда еще господа въ номерахъ спали. «Григорій,—говорить,—дѣло до тебя есть». — «Какая такая потребность случилась?» — говорю я. «А такая,—говорить:—не вдругъ и выговоришь»... Говорить это, а самъ смѣется. Хорошо. Ну, онъ и разсказываетъ: приѣхали, gritъ, въ «Дрезденъ» два господина, не то, чтобы настоящіе господа, да и къ купцу нельзя приѣхать. Заняли, gritъ, лучший номеръ и сейчасъ спать: цѣлыя сутки спали. Мы ужъ, gritъ, хотѣли полиціи объявлять, ну, а они въ этотъ разъ и проснулись. Потребовали самоваръ, водки и закуски. Фи-

ціантъ подаеть имъ все въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ порядочнымъ господамъ, а они его на смѣхъ подняли. «Ты, грить, за кого насъ принимаешь?» Всю эту номерную закуску назадъ, а заказали себѣ цѣлое блюдо телячьихъ почекъ и четверть водки. «Это, грять, по нашему, по сибирски»... Ну, обнаковенно, прислугѣ это самое дѣло удивительно, а управляющій даже сконфузился, потому въ «Дрезденѣ» первые господа останавливаются, а тутъ сразу этакое безобразіе. Однако, все исполнили... Что же-бы ты думалъ, они вдвоемъ цѣлую четверть выпили и цѣлое блюдо почекъ оплели, а сами даже ни въ одномъ глазу. Люди, какъ люди.. Повременили малое мѣсто и заказали обѣдъ,—за обѣдомъ опять пили всячины, а сами опять ни въ одномъ глазу. Послѣ обѣда посылають за мной, чтобы я ложу имъ въ оперу досталъ. «Какъ, говоритъ Никита, записать прикажите въ кассѣ?» — «Графъ Кивакта и князь Эншамо *)» — такъ и запиши». Ну, Никита добылъ имъ билетъ, вечеромъ они поѣхали. Тамъ ужъ капельдинеры встрѣчаютъ по своему: ваше сіятельство, пожалуйста... Хорошо. Прослушали они одно дѣйствіе, сходили въ буфетъ, а потомъ и заснули въ ложѣ-то. Натурально, вся публика на нихъ воззрилась... Сейчасъ капельдинеръ разбудилъ ихъ и говоритъ: «такъ и такъ, ваше сіятельство, никакъ невозможно, чтобы спать въ театрѣ.» А тѣ ему: «за свои-то деньги нельзя?» — «Ужъ это какъ вамъ будетъ угодно, а только начальство... порядокъ»... Тогда они встали и ушли, а Никиту на другой день опять въ театрѣ: откупи

*) Кивакта и Эншамо — названіе двухъ рѣчекъ въ тайгѣ.

намъ эту самую ложку на цѣлый мѣсяць. Хорошо...
Вася, да ты никакъ спишь?

— Нѣтъ, не сплю... Кто-же это такіе были?

— А ты слушай... Откупили они ложку въ театрѣ, а сами опять призываютъ Никиту и прямо подносятъ чайный стаканъ водки. Никита и въ ротъ этого вина не бралъ, да и должность у него такая, чтобы всегда быть въ аккуратѣ. «Не могу, гритъ, ваше сіятельство...» — «А ежели, грятъ, не можешь, такъ пошли кого поумнѣе себя». Ну, одинъ лакейшко выискался-было, а только не вытерпѣлъ: на второмъ стаканѣ ослабѣлъ, подъ руки его изъ номера вывели. А они въ амбицію: что это, грятъ, у васъ за номера такіе, ежели удовольствія себѣ получить нельзя за свои деньги? Однимъ словомъ, куражатся и никакого съ ними способа. Вотъ Никита-то и пришелъ ко мнѣ: выручи, Григорій. А надо тебѣ сказать, что съ молоду я очень былъ набалованъ и водки принималъ до неистовства—не даромъ Галанцемъ прозвали. На Васильевскомъ острову галанцы лѣтами наѣзжали, ну, такъ я съ ними хорошился: никто супротивъ нихъ не можетъ устоять касательно выпивки, а я даже превосходнѣе ихъ себя оказывалъ. Конечно, глупость это наша одна... Такъ за это качество и прозвали меня Галанцемъ. Въ праздникъ нарочно меня наши водили въ гавань, чтобы галанцевъ конфузить. Хорошо... Вотъ Никита и пришелъ за мной, чтобы я въ «Дрезденъ» къ нимъ завернулъ ублаготворить ихнихъ гостей. Опять-таки моя глупость была: пошелъ. Ну, прихожу это въ номеръ и даже диву дался—такихъ два осетра, что даже по превосходнѣе галанцевъ настоящихъ будутъ. Какъ

два дубовыхъ корабельныхъ бруса.. ей-Богу!... Признаться сказать, я даже этакъ маленько оторопѣлъ, потому какъ самъ ростомъ не дошелъ въ настоящую мѣру. Они поглядѣли этакъ на меня: «можешь?» — «Могу, ваше сіятельство»... Натурально, сейчасъ чайный стаканъ водки и сейчасъ другой, а я имъ: «позвольте третьимъ закусить»... То-то глупость... Какъ я третій-то выпилъ, тогда одинъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, обнялъ и разцаловалъ. «Вотъ это, гритъ, по нашему, по-сибирски»... А потомъ: «каковъ ты есть человѣкъ?» Очень я имъ понравился. Который меня цаловалъ и оказался вашимъ тятинькой, Карпомъ Лукичемъ Полуяновымъ, а другой-то Логинъ Евсеичъ Недошивинъ. Золотопромышленники сибирскіе, извѣстное дѣло, пріѣхали въ Питеръ удовольствіе себѣ сдѣлать, а куда ни сунутся, вездѣ имъ порядокъ: то нельзя, это нельзя, третье не полагается. Обидно имъ сдѣлалось, что препятствуютъ, значить, карахтеру, зачѣмъ, грядъ, мы ѣхали-то такую даль? А мнѣ-то обрадовались, какъ родному, и сейчасъ вмѣсто себя въ ложу стали посылать, чтобы досадить кассиру. Ложа дорогая, а я каждый день и сижу въ ней одинъ. Изъ театра къ нимъ въ «Дрезденъ» и рассказываю все, какъ и что было... Очень довольны были. Потомъ заказали отыскать имъ подходящую французинку, потому какъ много были слышаны объ этой націи. Денегъ у нихъ бугры, ну и чудили:.. Вася, ты никакъ совсѣмъ спишь?

— Да нѣтъ-же... Рассказывай.

— А на чемъ я остановился-то?

— Да на француженкѣ... А кладъ-то скоро?

— Погоди, будетъ и кладъ..

III.

— Съ этой французинкой у насъ хлопотъ было весьма достаточно,—продолжалъ въ темнотѣ голосъ Галанца: — ну, кое-какъ приспособили. Настоящая французинка, свою квартиру держала на Малой Морской. Только прихожу я въ «Дрезденъ» къ Карпу Лукичу и докладываюсь: «пожалуйте всякое удовольствіе получить». А они этакъ переглянулись и смѣются... Дѣло было за ихнимъ завтракомъ: блюдо почекъ и четверть на столѣ, все по формѣ. «Кому-же, грядъ, ѣхать?» — «Это, грю, вамъ ближе знать, а французинка готова въ полной формѣ». Ну, посмѣялись, закусили и начали, какъ-будто, собираться... Между собой-то перепираются, а я стою въ дверяхъ и молчу. Только совѣмъ ужъ собрались, а покойникъ Логинъ Евсеичъ и говорить: «Карпъ Лукичъ, знаешь, что я тебѣ скажу? Чѣмъ къ французинкѣ ѣхать и беспокоить себя, удивимъ лучше Галактіона Павлыча... Онъ думаетъ, что мы въ Питерѣ проваландаемся до осени, а мы къ нему прямо на именины и подкатимъ, какъ снѣгъ на голову». Вотъ тебѣ и французинка, думаю про себя: всю музыку испортятъ. Тятинька вашъ какъ обрадуется: «И въ самомъ дѣлѣ, гритъ, чего мы здѣсь дураковъ валяемъ—все нельзя... Удивимъ Галактіона Павлыча!». Ну, я ужъ не стерпѣлъ и говорю: «Какъ-же, говорю, съ французинкой? Она, напримѣръ, ждетъ въ полной формѣ...» А ты, грядъ, и поѣзжай къ ней, какъ въ театръ за насъ ѣздилъ, а деньги, что слѣдуетъ заплатить: такъ и скажись — сибирскій князь Эншамо».

— Ха-ха... ловко! Что-же ты, ѣздиль... а?

Пауза. Галанецъ въ темнотѣ отплеивается и тяжело вздыхаетъ. Вася еще громче хохочетъ.

— Что-же, дѣйствительно, ѣздиль...— заговорилъ Галанецъ, когда немного успокоился отъ благочестиваго негодованія.— Главная причина опять моя-же глупость была: пообѣщали мнѣ всю пару новую, верхнее пальто, шляпу,—однимъ словомъ, полный костюмъ отъ Корпуса. Карпъ-то Лукичъ разошелся и часы свои золотые на меня зацѣпилъ, а Недошвинъ перстни свои далъ мнѣ. Охъ, согрѣшилъ я безъ конца передъ Господомъ Богомъ...

— Что-же, французенка?

— Да, ничего... Все одно, какъ и наши бабы, только одѣта чисто, даже до чрезвычайности чисто и обращеніе имѣетъ свободное. Ей удивительно посмотрѣть, какіе-такіе сибирскіе князья бываютъ, а у меня своя глупость на умѣ—платье-то все у меня останется... Охъ, глупость была, Васенька, а теперь, вотъ, и каюсь. Тьфу... Приѣзжаю я отъ французинки въ каретѣ, а они ужъ совсѣмъ и въ дорогу собрались. Посмѣялись надо мной, поспросили про французинку, а потомъ говорятъ: «айда съ нами въ Сибирь, Галанецъ! Будешь доволенъ, а ты намъ по здраву пришелся...» Даже подумать хорошенько не дали: собирайся... Что-же, думаю, ежели ужъ такая удивительная линія подошла... Склался я въ полчаса и покатилъ, не знаю самъ, куда. Дальше своей Ярославской губерніи не бывалъ, а тутъ на край свѣта... Все-таки, ничего, думаю, купцы богатые, не оставятъ. Признаться сказать, съ дороги малымъ дѣломъ чуть-чуть не воротился: такъ и тя-

петъ меня въ Питеръ, и кончено. Какъ закрою
этакъ глаза, и начнетъ представляться все: на Нев-
скомъ огни, музыка, швейка одна знакомая, пол-
ковники, съ которыми на бильярдѣ игралъ... Чѣмъ
дальше ѣдемъ, тѣмъ города мельче и народъ совсѣмъ
убогій живетъ, а бабы—одно только названіе, что
бабы. Мнѣ скучно, а имъ веселѣе. Ъдутъ и все Пи-
теръ ругаютъ... Очень ужъ это имъ слово не понра-
вилось «нельзя». Проплыли мы такимъ манеромъ
по Волгѣ, повернули на Каму, а тамъ ужъ по трахту
закатили на двухъ тарантасахъ. Обѣхали эти са-
мыя горы и на сибирскую сторону перевалили... Чѣмъ
дальше ѣдемъ, тѣмъ веселѣе мои господа: «вотъ это
наше пошло». Сидятъ да похваливаютъ... Ну, тутъ
дѣйствительно и мѣста начались другія и народъ
особенный. Прямо сказать: сибирный народъ, вар-
накъ. Переѣхали Иртышъ, катимъ по степѣ и вдругъ,
братецъ ты мой, на одной станціи и накрыли Га-
лактіона Павлыча. Значить, самъ исправникъ Чис-
тый... Мои благодѣтели такъ и охнули: нарочно изъ
Питера пріѣхали, чтобы ему сюрпризъ сдѣлать, а онъ
и встрѣлся. Даже пріуныли совсѣмъ. Исправникъ-то
разспрашиваетъ ихъ про Питеръ, а они на меня
показываютъ; вотъ, грядъ, у насъ Галанецъ все
произошелъ. И опять пить меня заставляютъ: надо-
же чѣмъ-нибудь удивить Чистаго. А я какъ примѣ-
чаю, что моимъ благодѣтелямъ даже совѣстно про-
тивъ него: и изъ Питера уѣхали не солоно хлебав-
ши, и его не могли удивить именинами. Даже изъ
лица спали, туманные такіе ходятъ оба и водку пер-
рестали принимать... Чистый-то смѣтилъ въ чемъ
дѣло, и ихъ-же впередъ на смѣхъ поднимаетъ. Хотъ

назадъ ворочаться такъ въ ту-же пору. Что-же ты думаешь, вѣдь удумали они штуку... хе-хе!.. То есть въ лучшемъ видѣ... Сидимъ это мы на станціи, а Карпъ Лукичъ похаживаетъ и говоритъ: «Ахъ, ты сахаръ ты мой Галактіонъ Павлычъ, соскучился я о тебѣ»... Ну, натурально, сейчасъ выпивка. Что ни слово, то хлопъ да хлопъ... Чистый пьетъ на ряду съ ними, могутный человекъ, а свое дѣло помнить: «Господа, а мнѣ некогда—черезъ два дня именинникъ, надо домой поспѣвать». — «Поспѣется, сахаръ ты нашъ, а именинникъ не медвѣдь—въ лѣсъ не уйдетъ». И опять рюмка за рюмкой... Только и пародъ былъ: медвѣдю, кажется столько не выдержать. И, вѣдь, удѣлали таки Галактіона Павлыча... Пили они пили, неочерпаемое можно сказать количество, пока онъ изъ настоящаго разума не выступилъ. На ногахъ-то онъ держится, а разуму въ емъ ужъ нѣтъ. Помнить одно: ѣхать надо, потому именинникъ. Когда его нагрузили вполнѣ, сейчасъ вывели подъ руки, усадили въ экипажъ и пожелали гладкой дороги. Лошади-то и не заложены, а Карпъ Лукичъ на козлы и по ямщицьи ухааетъ, а Недошивинъ дугу колокольцами трясетъ... Потѣха чистая! Чистый только мычитъ! «Пшоль!».. ну, и натурально, заснулъ. Дали ему съ часъ поспать, а Карпъ Лукичъ опять на козлы, а Недошивинъ за дугу... Тпру!.. Пріѣхали, вашескородіе. Ну, конечно. Чисгый ничего не понимаетъ. Вывели его изъ экипажа, будто на другую станцію пріѣхали и опять пить. «Мы съ тобой, грядъ, вмѣстѣ на именины ѣдемъ»... Ну, такимъ манеромъ двои сутки Чистаго изъ экипажа таскали въ избу, а изъ избы въ экипажъ. А когда

строкъ вышелъ, тятинька-то вашъ разбудили Чистаго, шапочку сняли и говорятъ: «Съ ангеломъ имѣемъ честь поздравить, Галактіонъ Павлычъ»... Ей-богу! Что было смѣху, что ругани... Чистый-то такъ растервенился, что мы едва отъ него тогда ноги уплели... Все таки свое сорвали: удивили его, какъ онъ именинникомъ-то проснулся. Охъ, грѣхи тяжкіе, точно все это вчера было, а никого ужъ и въ живыхъ нѣтъ!

— А кладъ-то когда будетъ?

— Да въ свое время и кладъ.

IV.

— Приѣхали мы и на мѣсто, Васицька. Понравилось мнѣ, какъ жилъ Карпъ Лукичъ: домъ—полная чаша, всего въ волю, только птичьего молока не достаетъ. И все этакъ на сибирскую руку приспособлено, не по-русски, потому какъ жисть значить, вполне привольная. Обзнакомился я со всѣмъ и живу себѣ. Выпалъ снѣжокъ, зима сибирская завернула, ну, мнѣ ужъ и скучновато стало. Главная причина: дѣлать мнѣ нечего. Извѣстно, нѣтъ—нѣтъ, да и поманить на свою сторону, въ Расею. Хорошо около меня, да только все чужое... Разъ этакъ около Рождества очень ужъ я стосковался, да и говорю Карпу Лукичу: отпустите меня домой, а то безъ дѣла чего-же мнѣ слоняться. А они только смѣются: «погоди, Григорій, въ нѣкоторое время ты мнѣ пригоднись, а работа впереди. У насъ все такъ: годъ на боку лежимъ, да одну не-

дѣлю за два года работаемъ». Конечно, по нашему, по-рассейски это даже весьма несообразно, ну, да дѣлать нечего,—нанялся-продался. Прошли святки, прошла масляная, а этакъ недѣлѣ на третьей поста Карпъ Лукичъ и говорить, чтобы я собирался въ дорогу. Весь домъ вверхъ дномъ повернули, точно вотъ на войну собираемся. Цѣлый обозъ снарядили съ нами—значить, въ развѣдки поѣхали. Хорошо. Рабочихъ съ нами за пятьдесятъ человѣкъ, конюхи, жожаки—войско да и только. Молебень отслужили, все честь честью справили и въ путь. Мамынька ваша провожаетъ насъ, а сама какъ рѣка льется, потому невѣдомо, когда воротимся. Почитай весь городъ сбѣжался на проводины. Я въ кашевой вмѣстѣ съ Карпомъ Лукичемъ ѣду, въ томъ родѣ, какъ обережной или подручной. Успѣлъ за зиму-то къ каждой ихней привычкѣ вполне привѣситься: они еще только подумаютъ, а я ужъ сдѣлалъ. Ыдемъ мы такимъ родомъ день, ѣдемъ два, свернули съ трахту на проселокъ, а съ проселка въ тайгу: ни конца, ни краю вплоть до китайской границы. Поѣхали по тропамъ, по примѣтамъ... По дорогѣ въ двухъ мѣстахъ сдѣлали развѣдки да только по пусту. Гляжу я на Карпа Лукича и дивуюсь: совсѣмъ другой человѣкъ, а водки даже ни-ни. Такой у него зарокъ былъ положенъ, что какъ на дѣло, такъ водки ни капли. На первыхъ-то развѣдкахъ мы позадержались лишнюю недѣлю, а тутъ насъ весной накрыло. Обождали водополь и поѣхали дальше верхами, а на стану карауль оставили. Ну, тутъ настоящую муку мы и приняли: то гора, то болото, а то и на горѣ болото. Переправа за переправой, а рѣчки быстрыя

да студеныя... Всего удивительнѣе для меня оказывали себя лошади: сколь-же умна эта самая скотина. По болоту идетъ, такъ съ кочки на кочку перескакиваетъ, на гору по камнямъ царапается, подъ гору на хвостѣ ѣдетъ — человѣку такъ не сдѣлать, какъ эта самая таежная лошадь. Въ сѣдлѣ-то сидѣть страшно, только и глядишь, на который бокъ половчѣе упасть, въ случаѣ чего... А каково такой лошади подъ Карпомъ Лукичемъ идти: четырехъ лошадей въ сутки мѣнялъ. Ну, думаю, по такимъ мѣстамъ только душу спасать ѣздить... Приѣдемъ на станъ — разогнуться нѣтъ возможности. Чѣмъ дальше ѣдемъ, горы выше, а въ горахъ опять холоднѣе. Начали лошади въ болотахъ вязнуть. Пришлось ихъ оставить на второмъ стану съ конюхами, а сами пошли пѣшкомъ. Грузенъ былъ Карпъ-то Лукичъ, не можетъ по болоту идти. Тогда насъ на лубкахъ съ нимъ черезъ болота перетаскивали... Съ недѣлю мы такимъ манеромъ промаялись, всю душеньку вымотали. Не утерпѣлъ я и спрашиваю Карпа Лукича: «Куда это мы идемъ?» А онъ мнѣ: «Кладъ будемъ искать... Слыхалъ про Поцѣлуиху?» Это почестъ на самой китайской границѣ выходило, да и Поцѣлуихъ считали до десятка рѣченокъ — что ни рѣчка, то и Поцѣлуиха, а дорога — пьяный чортъ ѣздилъ. Долго-ли, коротко-ли доѣхали мы до большой горы, Бѣлокъ называется. Карпъ Лукичъ и говоритъ: «Здѣсь будетъ послѣдній станъ». Начали мы дѣлать развѣдки въ разныя стороны. Вездѣ есть знаки на золото, а настоящаго дѣла все-таки нѣтъ: нестоющее золото для работы. Почестъ цѣльное лѣто мы такимъ манеромъ прожили въ лѣсу, об-

носились, озвѣрѣли, на людей не стали походить. Этакъ разъ ужъ къ осени дѣло было, отбились мы съ Карпомъ Лукичемъ отъ партіи. Отъ своего Бѣлка пошли къ другой горѣ,—со стану глядѣть, такъ рукой подать. Мы съ Карпомъ Лукичемъ да трое рабочихъ—и все тутъ. Шли-шли, а гора точно отъ насъ уходитъ дальше. Однако, къ вечеру, добрали. Мѣсто глухое, лѣсъ—овчина овчиной. Рѣчка съ горы выпала—опять, значить, Поцѣлуиха. Пошли внизъ по рѣчкѣ. Вотъ тутъ намъ и поблазнило... Идемъ этакъ лѣсомъ, слышу Карпъ Лукичъ кричить: «Стой!» Я-то позади всѣхъ плелся, потому измотался за день. Подхожу и вижу: стоитъ Карпъ Лукичъ осередь поляны и руками разводитъ, а на полянѣ камни чернѣютъ. «Погли-ко, говоритъ, Галанецъ, какіе камни-то»... Я приглядѣлъ и даже этакъ обомлѣлъ: на полянѣ-то всѣ тумпасы да по аршину ростомъ каждый... «Это самое мѣсто и есть»,—шепчетъ мнѣ Карпъ Лукичъ. Сколь-же и мѣстечко диковинное издалось, только вотъ въ сказкѣ рассказать. А рѣченка въ двухъ шагахъ и въ ней такіе-же тумпасы, точно поросята лежатъ въ водѣ. Ударили ужъ въ сумеркахъ ширпъ на бережку: золото оказалось богатимое. Тутъ мы и заночевали... А Карпъ Лукичъ всю ночь не спалъ: полежитъ-полежитъ у огонька и опять пойдетъ осматривать эти тумпасы, да къ рѣчкѣ—и мнѣ не далъ спать. Еще, думаю, утонетъ.. Ахъ, какое это удивительное мѣсто было!... Едва дождались утра и опять ширпъ, по ту сторону рѣчки—золото еще лучше. По самой рѣчкѣ взяли пробы—опять золото.— «Вотъ онъ кладъ-то»,—шепчетъ мнѣ Карпъ Лукичъ, а самъ точно пьяный

сдѣлался. Ну, поставили мы развѣдочные столбы, накопили ямъ и пошли къ своему Бѣлку. По дорогѣ рабочіе затески дѣлали на деревьяхъ, чтобы не заплутаться. Однимъ словомъ, все устроили по формѣ. Только, сударь ты мой, едва мы вышли къ своему Бѣлку: вотъ тутъ она, наша гора, совсѣмъ на глазахъ, а пойдѣмъ къ ней—она точно въ сторону отойдетъ... Оказія!.. Такъ мы засвѣтло-то и не могли выйти на станъ, и заночевали гдѣ-то въ болотѣ. Утромъ просыпаемся: Бѣлокъ-то саженьяхъ во ста отъ насъ, и мы, какъ кулики, въ болотѣ мокли цѣлую ночь. Только вышли мы на Бѣлокъ ужъ съ другой стороны, а не съ той, гдѣ станъ. Въ тайгѣ это случается... Хорошо. Пришли на станъ, поглядѣлъ Карпъ Лукичъ изъ подъ ручки на гору, гдѣ мы были, и говорить: «Вонъ онъ, кладъ-го нашъ гдѣ спрятался»...— «Такъ точно, говорю я, Карпъ Лукичъ: здѣсь Бѣлокъ, тутъ болото, а тамъ гора, а изъ горы выпала Поцѣлуиха съ тумпасами». По настоящему, намъ надо было торопиться къ лошадямъ, чтобы загодя выбраться изъ этихъ мѣстовъ, а Карпъ Лукичъ не утерпѣлъ, еще разъ захотѣлъ побывать на кладовомъ мѣстечкѣ. Я остался на стану, а онъ повелъ съ собой почитай всю партію. И что-бы вы думали, сударь мой: три дня и три ночи искали они эту рѣчку съ полянкой, гдѣ мы ширпы били да такъ и не нашли... Темнѣе ночи воротился Карпъ Лукичъ и только все спрашивалъ меня: «Галанецъ, вѣдь ты видѣлъ тумпасы?— «Точно такъ-съ, Карпъ Лукичъ...» — «Хоронится,—говорить,—отъ насъ кладъ-то, точно сквозь землю провалилась полянка съ тумпасами.»

— Что-же-бы выдумали, сударь мой, мы, вѣдь, такъ ни съ чѣмъ и выѣхали изъ тайги.. Первая причина, снѣга поопасались, а вторая—весь припасъ у насъ вышелъ и народъ нечѣмъ кормить. Ну приѣхали домой, Карпъ Лукичъ веселый такой: ждетъ не дождется опять поста, чтобы по послѣднему пути на Бѣлокъ вывѣзжать. Нанялъ рабочихъ ужъ по настоящему, сдѣлалъ всякую заготовку: харчи, одежду, машину, лошадей—въ тайгѣ-то негдѣ взять, всякую малость съ собой вези. Опять поѣхали на Бѣлокъ по старой дорогѣ и всю муку-мученическую приняли въ полной формѣ. Это легко рассказывать-то. Ну, и опять не нашли Поцѣлуихи. Такъ задарма цѣлое лѣто пробродили по горамъ, да по болотамъ, а домой опять воротились ни съ чѣмъ. Затуманился мой Карпъ Лукичъ, потому какъ за два года шатанья по тайгѣ сильно деньгами подшибся. Однако, на третью весну опять мы въ походъ собрались... Гдѣ только можно, вездѣ денегъ добыли, а я сталъ примѣчать за Карпомъ Лукичемъ такъ, что будто онъ въ изступленіи ума дѣлается. Началъ даже заговариваться и все Поцѣлуихой этой бредить: видеть ее во снѣ и на яву. Опять поѣхали мы въ тайгу и цѣльное лѣто задаромъ прошатались и все около Бѣлка. Ближе осени было дѣло, надо воротиться домой, а Карпъ Лукичъ говоритъ: «Помру здѣсь, а найду Поцѣлуиху»... Крѣпкій былъ чело-вѣкъ, а тутъ изняло. Ходить по стану и бормочетъ: «Это Бѣлокъ тутъ болото... тутъ гора, съ которой выпала Поцѣлуиха.» Ужъ это лѣто намъ и задалось-же: мошки, комары—житья нѣтъ. Лошадей поморили, рабочіе ропщутъ, а Карпъ Лукичъ все на своемъ

стоитъ: здѣсь Бѣлокъ, тамъ болото, тамъ гора, съ которой Поцѣлуиха выпала. Близко ужъ осени было дѣло. Я въ одной палаткѣ съ Карпомъ Лукичемъ жилъ. Только разъ просыпаюсь ночью, а въ палаткѣ кто-то плачетъ. И такъ тихонько плачетъ, совѣмъ по-ребячьи. Досталъ я огня, гляжу, а это Карпъ Лукичъ: сѣлъ на постель, ухватилъ голову руками да и заливается.. Ахъ, ты, Боже мой, что же это такое? Я его утѣшать, а онъ пуще... Да и меня на сумленье навелъ. «Скажи мнѣ, гритъ, помнишь ты отлично, какъ все дѣло было, когда мы полянку съ тумпасами нашли?..» — «Даже, говорю, очень превосходно помню: какъ сейчасъ вижу и полянку, и тумпасы, и рѣчку, и мѣсто, гдѣ ширпы мы били». — «Да, можетъ, ты, гритъ, ошибся: обнесло насъ, поблазнило... Мало-ли что въ лѣсу бываетъ съ человѣкомъ!» — «Что вы, говорю, Карпъ Лукичъ, спросите рабочихъ, которые съ нами были.. «Конечно, что тутъ спрашивать: на свои глаза свидѣтелей не надо, а просто Карпъ Лукичъ началъ мѣшаться въ своемъ разумѣ. Тронулся человѣкъ... Да и меня, признаться, тоже оторопь взяла: въ самъ-то дѣлѣ, не поблазнило-ли тогда намъ?.. Ну, сидимъ мы на стану подъ Бѣлкомъ, а ужъ пошли заморозки—того гляди, выпадетъ первый снѣжокъ, а тогда въ тайгѣ смерть безъ смерти. Лучшіе вожаки плутають, потому какъ всѣ примѣты снѣгомъ засыплеть да и лѣсъ совѣмъ другимъ оказывается. А Карпъ Лукичъ уперся,—не пойду и кончено тому дѣло. Ужъ мы его уговаривали и такъ и этакъ—приступу нѣтъ. Рабочіе забунтовали.. Ну, тутъ и вышелъ съ нами грѣхъ. Ахъ, какой тяжкій грѣхъ, Васинька, случился,

что, кажется, и не рассказать. Одна страсть... Этакъ утромъ просыпаемся, выхожу я изъ палатки, а кругомъ бѣло, точно саваномъ покрыло все... Саванъ и былъ. Господи, что только тогда у насъ было: рабочіе-то совсѣмъ озвѣрѣли и чуть Карпа Лукича не убили. Такъ съ ножами къ горлу и приступаютъ... Извѣстно, тоже не отъ ума люди на стѣну лѣзутъ. Ну, поругались, пошумѣли, забрали все, что можно, и ушли, а мы съ Карпомъ-то Лукичемъ вдвоемъ и остались да еще лошадь заморенная съ нами. Я его уговариваю идти домой, а онъ свое толмить: помру здѣсь. А снѣгъ-то идетъ да идетъ. Ну, думаю, пришла наша смертынька съ Карпомъ Лукичемъ, догуляли... Запасовъ осталось у насъ дня на три всего, какъ я уговорилъ таки его идти—не помню. Пошли, а лошадь за нами... И умная это тварь лошадь. Столь она умна, столь умна, что вотъ только не скажетъ: чувствую, молъ, я, что подвержена я во всемъ человѣку и безъ васъ мнѣ пропасть. А партія-то, что раньше насъ вышла со стану, на вторыя сутки заплуталась въ тайгѣ. Пошли споры да раздоры: одни говорятъ туда идти, другіе—совсѣмъ наоборотъ. Разбились кучками и всякъ въ свою голову ломить. Ну, такимъ манеромъ они, почитай, всѣ выбились изъ силъ да въ тайгѣ и перемерзли: кто съ голоду, кто съ натуги, другихъ звѣрь задавилъ... Охъ, незамолимый грѣхъ!... А Карпъ Лукичъ свое: «Хоть-бы помереть скорѣе, Галанецъ: одинъ конецъ, а домой и идти не къ чему». Все-таки идемъ, сколько можемъ, а за нами лошадь колченогая ковыляетъ. Мы остановимся и она встанетъ. Когда весь харчъ вышелъ, Карпъ Лукичъ и говоритъ: «Мы ее при-

колемъ»... Ну, мнѣ это ужъ противъ сердца пришло. «Что вы, говорю, сударь, какія вы слова выговариваете, точно на насъ и креста нѣтъ... Да и не объ этомъ теперъ думать надо: хоть бы Господь христіанской кончины сподобилъ, а вы лошадь колотъ. Не татары мы, слава Богу»... Въ одномъ мѣстѣ нашли замерзлаго человѣка изъ нашей партіи. Ну, совсѣмъ у смерти... конецъ... И что-же бы вы думали, сударь вы мой? наша лошадь то ковыляла за нами, а потомъ впредь насъ пошла. И какъ идетъ: пойдетъ, пойдетъ и остановится, чтобы мы подошли». Ой,—говорю я Карпу Лукичу, — жилъе она чувствуетъ... Голодь ужъ очень донимать насъ сталъ, отоцали въ конецъ и только кору осиновою жевали. Только этакъ идемъ мы за нашей лошадыю, я вижу подъ снѣгомъ будто слѣдъ. Показываю Карпу Лукичу, а онъ не вѣритъ; навожденіе, говоритъ. И что бы вы думали? сударь мой, вѣдь вывела она насъ, эта самая лошадь, прямо на партію привела—къ Недошивину: храпомъ своимъ лошадинымъ учуяла живыхъ людей. Пришли мы къ Недошивину ни живы, ни мертвы, да такъ насъ изъ тайги и домой отправили, а Карпъ Лукичъ съ этого самаго времени замолчали. До самой своей смерти ни единого словечка не вымолвили;—то-ли это съ голоду, то-ли съ заботы, или поблазнило чѣмъ,—не умѣю сказать. Имѣнье все разорили, однимъ словомъ—все богатство по вѣтру разнесло... Вотъ онъ какой кладъ-то на Поцѣлуихѣ выдался намъ! Вася, да ты никакъ спишь?

V.

Когда Анна Галактіоновна проснулась на другой день въ своемъ номерѣ, первой ея мыслью было: гдѣ Васька? Положимъ, это не первый разъ, что онъ ночеваль гдѣ-нибудь въ бильярдной—и притомъ безъ сапогъ далеко не уйдешь, но, — все-таки, она встревожилась и позвонила.

— Позовите ко мнѣ Василя Карпыча,—приказала она номерному лакею.

— Ихъ нѣтъ-съ...

— Какъ нѣтъ? Куда онъ безъ сапогъ уйдетъ?..

— Такъ точно... Съ нашимъ маркеромъ ушли-съ; Галанцемъ называется, т. е. маркеръ. Онъ имъ и сапоги приспособилъ... Надѣли котомку и ушли...

— Это интересно, куда они могутъ уйти...

— А пошли какой-то кладъ разыскивать... Конечно, не отъ ума, а только у старика-то деньги съ собой. На смертный часъ готовилъ, а теперь дѣло повернулось на кладъ...

Черезъ годъ въ одной изъ сибирскихъ газетъ было напечатано коротенькое извѣстіе, что поисковая партія наткнулась въ тайгѣ у китайской границы на два «неизвѣстныхъ трупа» — очень можетъ быть, что это были старикъ Галанецъ и Вася.

